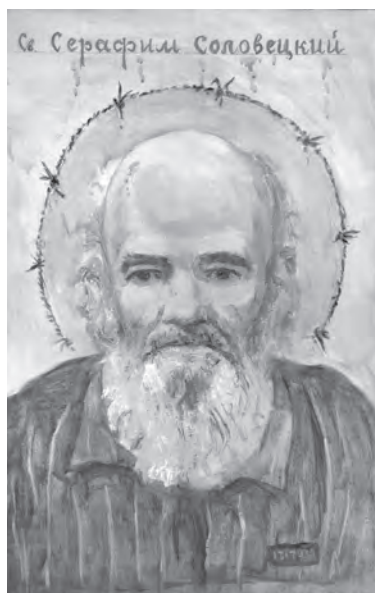

Блаженный Иоанн

СЕРАФИМ, ПАТРИАРХ СОЛОВЕЦКИЙ

Издание одиннадцатое,
переработанное и дополненное

2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
МОЙ ГЕРОЙ И МОЙ ПАТРИАРХ	13
КАК БЫЛО НА СОЛОВКАХ, ТАК БУДЕТ ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ	18
Глава 1	
НОВЫЙ ПУТЬ И НОВОЕ СЛУЖЕНИЕ	20
Глава 2	
ОЛИВКОВАЯ СЕРАФИМОВА ВЕТВЬ.....	24
Глава 3	
СЕРАФИМ СОЛОВЕЦКИЙ: СОЛОВЕЦКАЯ ГОЛГОФА.....	29
Глава 4	
СЕРАФИМ СОЛОВЕЦКИЙ: НЕБЕСНЫЙ ИЕРУСАЛИМ НАД СОЛОВКАМИ.....	35
Глава 5	
СЕРАФИМ СОЛОВЕЦКИЙ: КАТАКОМБНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ.....	39

Глава 6	
СЕРАФИМ СОЛОВЕЦКИЙ:	
СОЛОВКИ – ЗОЛОТАЯ НЕБЕСНАЯ КАЗНА	
СВЯТОЙ РУСИ	44
Глава 7	
АГНЕЦ СТРАСТНОЙ	
ПРИХОДИЛ К СВОИМ НЕВЕСТАМ	53
Глава 8	
СИЛА СОЛОВЕЦКОГО КРЕСТА.....	59
Глава 9	
В СПЕЦБАРАКЕ	79
Глава 10	
СОЛОВЕЦКАЯ СКРИЖАЛЬ	
ПРОРОКА МОИСЕЯ.....	79
Молитвенные ризы.....	82
Священство соловецкое.....	86
Глава 11	
ПАСТЫРСТВО У ПОДНОЖИЯ ГОЛГОФЫ.....	97
Венцы победителей.....	97
Глава 12	
ЧТО ОЖИДАЕТ ‘ЗЛЫХ ВИНОГРАДАРЕЙ’?.....	99
Братья огненностолпной	
иерархии Серафимовой.....	102
Слезное мирро.....	104
Глава 13	
ВОССИЯЛА ВЕТЬ СОЛОВЕЦКАЯ.....	106
Миру предстоит пережить	
Соловецкий Гулаг.....	106

Молитва о врагах	107
На Соловках была открыта истинная история.....	110
Небесная музыка	111
Под небом Соловков происходило посвящение в тайны Божии.....	114
Не антихрист ожидает мир, а церковь истинная.....	116
Покаяние было за весь мир.....	117
Соловецкая школа монашества в миру ни с чем не сравнима.....	119
Глава 14	
ДОБРЕЙШАЯ ДОБРЫХ БОГОМАТЕРЬ.....	122
Богоматерь многих здесь взяла в особый Свой удел.....	124
Спасением на Соловках служило страстнóе помазание.....	125
Она есть действенное олицетворение любви.....	127
‘Повернутые’ сергианцы.....	129
Глава 15	
ОГНЕННЫЕ ИЕРАРХИ.....	132
Небесное золото.....	132
Послание иерархов небесной державы	138
Основополагающие положения солнечной иерархии.....	141
Глава 16	
БОГОБЛАЖЕННЫЕ СТАРЦЫ	144
Брачный одр.....	145

Мы блаженнейшие.....	146
Кто введен в блаженство – ничего не боится.....	147
Болезни тела приближают рождение духовной плоти.....	150

Глава 17

НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА.....	151
Литургия в преображенном Иерусалиме.....	152
Иоанн Богослов, приходя к нам, безмолвно молился.....	155
На небесах нет никого, кроме дев и девственников.....	157
Земной рай.....	157
В камере с крысами-людоедами.....	161
Первомученик Стефан.....	163
Сладчайших загробных уделов сподоблялось большинство узников соловецких.....	164
Уделы усопших.....	165
Восемь категорий усопших.....	165
За отнятое внешне воздавалось внутренне.....	167
Я на Соловках прожил три с половиной тысячи лет.....	168
Небесный Иерусалим и поныне на Соловках.....	168

Глава 18

СОЛОВЕЦКОЕ ПРЕДАНИЕ – ОЗЕРЛАГ.....	171
Второй срок.....	171
Медлаборатория.....	174
Исцеление начлага.....	175

Не находил общего языка отец наш с сергианцами, иосифлянцами и стукачами....	177
Землянка-скит.....	178
Страстны́е литургии.....	181
Выше молитвы только крест в пустыне.....	183
Путь любви.....	184
Царь-старец.....	186
 Глава 19	
АТОМНОЙ БОМБОЙ ПО СВОИМ.....	191
 Глава 20	
НЕБЕСНАЯ СТАТИСТИКА	195
 Глава 21	
НЕСКОНЧАЕМАЯ ПЕСНЬ.....	198
 Глава 22	
РОЖДЕНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА	201

* * *

ПРЕДИСЛОВИЕ

Серафим патриарх Соловецкий – первая книга Соловецкого Евангелия. Другие книги этой серии – ‘Соловецкая Сияющая ветвь’, ‘Соловки – Вторая Голгофа’, ‘Соловецкий Сад’, ‘Серафим в 144 ликах’, ‘Победитель Гулага’ – также принадлежат перу блаженного Иоанна (Береславского).

Соловецкое Евангелие – правдивое свидетельство о духовных событиях российского Гулага, в которых главными действующими лицами являются Серафим Соловецкий (Михаил Романов), Огненная иерархия (братья Серафимовы) и все гулаговские мученики.

Последний российский царь Михаил Романов вопреки мифу, созданному советскими идеологами, не погиб в июле 1918 года, более того, прожил еще 53 года, 39 из которых – в сталинских лагерях.

В первой книге Серафим Соловецкий еще не открыт как Михаил Романов. Но, со слов Серафима, это и не столь значимо. Теперь у него новый царский престол – духовный, новая элита – Огненная иерархия, Серафимовы братья, новое царство – государство Гулаг. По его словам, все что происходило в Гулаге на Соловках, будет по всей России и по всей земле. Огненная иерархия благодаря величайшим страданиям гулаговских мучеников отняла у князя мира сего власть и силу и передает их сегодня своим духовным преемникам.

Ушло столетие, которое принято называть временем сатаны. В двадцатом веке было пролито столько крови и слез, совершено столько зла, сколько за всю предшествующую историю нашей цивилизации. Но вместе с тем, это время торжества божественной любви, добра и справедливости.

Свершилась вторая Голгофа – Соловецкая, Агнец Соловецкий был распят в России. И как на первой Голгофе пострадал из любви к нам Христос Иерусалимский, так на второй, Соловецкой, в лице величайших помазанников – Христос Дух Святой.

Эта книга о божественной любви и её победе над силами зла, о таинственном её присутствии в избранниках, в числе которых Серафим Соловецкий.

Святой узник Гулага Серафим – живая скрижаль соловецкая. От призывания его имени открывается история Соловков. Серафим Умиленный (так называет его небо) – истинный свидетель и участник явления славы Божией в 20-30-е годы на Соловках. Оставляющие земную жизнь соловецкие старцы, уходя, складывали в его сердце все тайны и дары Соловецкого креста. В то время о явленных на Соловках чудесах говорить было не велено. Но сегодня святые низводят свыше великую благодать и запретные знания адских сфер затмеваются небесными свитками.

Вострепещем и услышим! Говорит Серафим Умиленный, тайнозритель Соловецкого креста. Склоним главы перед величием подвига отцов Соловецкой Голгофы.

Они, жертвенные агнцы, тайнники, среди других с трудом различимые, не шли на сделку с совестью, не пошли на сотрудничество с властью, для которой человек – пыль, глина, материал для всевозможных социальных экспериментов. Как правило, на виду другие – друзья-сотоварищи сильных мира сего. Для них, в то время молящихся за Берию и Сталина, ‘всякая власть от Бога’.

‘Возможно, от вашего Бога и может исходить что угодно, но от Нашего Божественного Отца – только власть любви, – говорили конформистам соловецкие огненные

иерархи, – нельзя смешивать неоднозначный порядок мира с божественным мироустроением’.

Помимо основателя РПЦ Сергия Страгородского, который был всего лишь секретарем местоблюстителя патриаршего престола, и его последователей есть истинный преемник истинной веры – патриарх Гулага непобедимый апокалиптический старец Серафим Соловецкий и его наследники, Серафимова богородичная ветвь.

С кем было благословение Божие? С Сергием Страгородским и его кликой, ставшей под эгиду Сталина и Берии, или с отцами, принявшими мученичество?

Блаженный Иоанн – наследник соловецких отцов. Его книги показывают, как узники Гулага своим мученичеством дали исчерпывающие ответы на вопросы: ‘Какова церковь? Какой ее образ? Какое участие церкви в трагических событиях XX-го века?’ За эти уникальные свидетельства, впервые открытые миру, автор подвергся гонениям со стороны властей, симпатизирующих Сталину и РПЦ.

Сегодня открывается церковь-дева – чистая, непорочная, не осквернившая себя связью с князьями мира сего. Истинные исповедники веры, как Серафим Соловецкий, всегда принадлежали к ней. Более того, они находятся в непрерывном сражении с церковью блудницей и ее последователями, совершая предписанное молитвой Христа: ‘Да будет воля Твоя как на небесах, и на земле’.

Серафим Умиленный ‘воевал’ слезами, и никто его как агнца победить не мог. Агнец есть победитель увенчанный, не знающий смерти. Серафим десятикратно победил смерть, и Христос воскрес в нем.

Перед закрытием Соловков Господь показал Серафиму адское дно, куда по своей воле следуют уловленные дьяволом души.

Серафим Умиленный обращается к нам: ‘Дети, я хочу научить вас рыдающему православию (православию старческих слез). Вы живете в последние времена. Учитесь побеждать страх, болезни и смерть. За вами стоим мы, примите печати победителей’.

Невероятно, но в самых ужасных условиях: в Гулаге и фашистских лагерях открылось истинное божество – добрейший добрых и безмерно любящий нас Отец, непричастный к злу мира и всегда вместе с нами страдающий.

Приходил Он к бесконечно страждущим, затравленным, забитым, изможденным, замученным зэкам вместе с Матерью Божией, Соловецкой Добрейшей Добрых. И зэки мгновенно восхищались в божественные сферы, умилялись и блаженствовали.

Эта книга о тайнах прошлого и настоящего, путеводящая скрижаль к чертогам Царствия. О таинственном присутствии Христа в подвижниках Соловецкой Голгофы. Двенадцать их было – серафимово братство. Если в лагерях при виде Серафима Умиленного зэки падали ему в ноги, то для простых жителей Бузулука, где он жил в последние годы, он юродивый, для служителей РПЦ – горделивый самозванец, для властей – ‘опасный!’.

В 2000 г. на XX-м Соборе Православной Церкви Божией Матери Державная Серафим патриарх Соловецкий канонизирован. День памяти и прославления святого Серафима Соловецкого – 22 октября.

Серафим Соловецкий таинственно присутствовал при рукоположении автора книги, блаженного Иоанна (архиепископа в традиции славяно-теогамической духовности). Преемник Серафима Соловецкого, глава катакомбной церкви митрополит Геннадий Секач в момент рукоположения о.Иоанна (1985 г.) услышал прямое одобрение свыше от Серафима Умиленного.

Не сразу Серафим Соловецкий открылся блаженному Иоанну. Обладая старческими дарами и способностью слышать небо, автор книги получил в 1992 году ангельское откровение о Соловках, и в нем впервые прозвучало имя Серафима. С 2000 года Серафим Умиленный лично открывает о.Иоанну величайшие тайны Соловков.

Святые часто наставляют свыше. Наиболее известный случай – небесные свитки Нила Мироточивого. В этой

книге читатель ознакомится с откровениями Серафима Умиленного. Узнает о том, что было в 20-30-е годы на Соловках и о чем знали до этого времени только усопшие, потому что живых свидетелей оставлять было не велено.

Открылись великие тайны пятидесятиmillionного государства Гулаг. Над кровавой зарей Соловков, над этой адской машиной человекоубийства и злобы стоял небесный Солнечный град древней Гипербореи. И серафимовы братья, оставляя бараки, скорбь и уставшую плоть, входили в него. Сегодня они спешат поделиться пережитой радостью.

Никто не получал столь великие харизмы как Серафим: исцелять, воскрешать, ходить по воздухам, видеть все и вся, благословлять державой самого Небесного Отца и иметь престол архистратига Михаила.

И взошел он на гору высокую и великую, а под ногами стоял стон и глухой шакалий вой тысяч жертв Гулага. В стареньком пальтишке с белым прямоугольником с номером 5081 – Серафим Умиленный, святой зэк, патриарх Гулага и вся Руси.

‘Кто же отпоет мя, Боже, безвестного, Матерь Божия?’

‘Владыченька наш, прими нас в свое стадо’. И шел по воздуху к бараку №3 к умирающему брату. И помазал раны небесными маслами, данными ему от светлого ангела целителя. И слезу отирал, провожая в мир вечный.

Мелхиседек Наумов

(с использованием материалов блаженного Иоанна)

МОЙ ГЕРОЙ И МОЙ ПАТРИАРХ

Наши отцы погибли в Гулаге. Ночью сапоги сталинских опричников размеренным, каким-то ленивым шагом двигались к квартирам моих соседей. Кто следующий? За ним придут этой ночью или следующей? Какая разница, – скажете вы. ‘Чем скорей, тем лучше’, – подумает кто-то за соседней дверью, и когда пролетарии исполнят свой долг, лестница опустеет. Вы помните, как это было? Как вглядывались в темные окна жильцы моего дома, мои соседи, мои друзья? Нет. Население нашего дома отменило дружбу, никто не смел крикнуть ‘мама!’

Чья-то судьба была решена...

Я иду по Красной площади, и мои легкие шаги почти не слышны. Я тороплюсь. Куда же? Куда ты торопишься ночью одна, кто ждет тебя?

Я вижу силуэт человека, к которому спешу. Сейчас я подойду к нему, взгляну в его лицо, удивлюсь странной ушанке – я такую еще ни разу не видела. Сейчас я спрошу у него: ‘Вы – зэк?’ Но он будто не слышит моего вопроса. Ему незачем мне отвечать. Это он – патриарх Соловецкий, пришло время пройтись ему по Красной площади, не по центру ее, а по краю, чтоб уж не очень бросаться в глаза...

Таким же осмотрительным был мой отец, не вернувшийся оттуда.

Может быть, я надеюсь, что он вдруг возникнет у яркого фонаря, и я спрошу: это ты?

Он промолчит, конечно же, и быстрыми шагами пойдет прочь. И я больше не приду на Красную площадь встречать его.

Этот сон мне снился долго, затем он утонул в моей памяти, когда я поняла, что сон этот мучает меня. Оттуда не возвращаются.

Но моя одноклассница верит, что вернется ее отец. Он придет в красивой пилотке, с орденами на груди...

Сколько раз я вспоминала этот ее рассказ! Ордена? Зачем они?

Соловецкому патриарху орденов не давали, его мучали на Соловках, вырывали уши, выдергивали бороду, подшучивая над его беззащитностью.

С тех пор пронеслось немало лет. Я перестала вслушиваться по ночам в то, как приезжают машины и кто-то прокуренным сиплым голосом покрикивает: 'Давай! Давай! Что ты, мертвый, что ли?..'

Серафим, патриарх Соловецкий, таким же вот образом был вывезен со двора, и никто никогда не узнал бы, где ночевал и где он проснулся поутру.

Книга блаженного Иоанна – книга о любви. О любви к Богу, к соловецкому заключенному Серафиму и о том, как божественная любовь сохранила Соловецкого патриарха.

Нет, не думал и не гадал Серафим Соловецкий, что судьба приготовила ему зону – так называли лагерь для заключенных. За что же такая честь: жить в одном из красивейших мест на свете?! Жить там, где море почти слилось с небом, и различить ту тонкую грань меж ними стоило немало труда.

Книга, которую вы держите в руках, уникальна. Она вместила в себя не просто события, факты, похожие своей чрезвычайностью, к которой следовало бы привы-

кнуть, чтобы остаться самим собой. Книга эта уникальна, ибо в ней записана судьба моей страны. Однообразная судьба многих ее поселенцев. 'Дьявол однообразен, а грех монотонен', – сказал кто-то из духовных писателей. Кажется, это был о.Иоанн Кронштадтский.

...Прислушиваясь, как дышит дом, в котором я живу, как открываются форточки, как шуршат шлепанцы у моей бабушки, я решаю, что должна заснуть. Прислушиваться к стукам чужих дверей надо-едает, все равно ничем не поможешь. Но не так-то легко приказать себе заснуть.

'Я закажу себе сон', – решаю я и оказываюсь мысленно в нашем дворе, где нет ни души, скулит у ворот собака. Я выбрасываю ей через форточку кусок хлеба – она привыкла к моим дарам – и вскоре засыпаю.

Утром я узнаю, кого из жильцов нашего дома увезли в черной машине. Они не вернутся домой.

Наутро мне расскажут соседские мальчишки, что приехали за кем-то из очень важных людей...

Впоследствии я узнаю, кто в ту самую ночь исчез из дома.

Но зачем их втолкнули в машины, узнать мне тогда не удалось.

*

Автор книги 'Серафим, патриарх Соловецкий' свидетельствует о возлюбленном Отце, о Его любви и о тех, кто верен Его заветам. Узнала и о неисчислимом мужестве подвижников Всевышнего, и о самом главном – о сокровенной близости неба и земли. О том, что мир един, что правит им не случай, а Премудрость. Она назначает и поставляет епископами тех, кто завтра в эковских теплушках отправятся на Соловки, 'особую зону', остров несказанных мук и страданий. Но человек, любящий Отца, получает право сочетаться с Ним, соединя таким образом небо и землю.

И тогда, в самые дивные минуты божественной любви, тогда, когда небо спускается как можно бли-

же к земле, стылой и сиротской земле, проклятой дьяволом земле России, не пожелавшей уступить ему, тогда-то и возникает чудо любви. ‘К кому?’ – спросите вы. К Нашему Отцу.

И эта любовь непредсказуема, ее невозможно передать, пересказать и воспеть в псалмах. Она вмещает в себя непобедимый мир, что ведет войну со злодейством. Но об этом счастье удастся узнать лишь тем, кому дарованы мужество и любовь. И эти счастливицы, лежа на стылой, политой кровью земле Соловков, гонимые, истерзанные, замученные, избитые и голодные, чувствуют близость Всевышнего.

Она была в избытке, эта ни на что не похожая близость, была она дарована и патриарху Серафиму, суровому воину непобедимых Небесных ратей.

И, может быть, там, на этой жестокой соловецкой земле, он вымечтал тот садик в центре российской земли у кремлевской стены, куда будут приходить дети, и, трогая пальчиками тело старого ээка, укутанного в железные латы, будут мечтать о старой ээковской ушанке и тихо молиться, беззвучно молиться сердцем о том, чтобы стать героем: ведь каждый мальчик должен, обязан любить свое Отечество, как дар Бога-Отца, и быть готовым к тому, чтобы на его любовь ответил любовью Сам Всевышний. И тогда вместе с детьми, приходящими к старому ээку, с неба будут сходить ангелы и сам Соловецкий патриарх...

...Я возвращалась домой. Стучали громко каблуки часовых, сменявшихся у мавзолея. И вдруг площадь опустела. Я прибавила шагу и оказалась у маленького скверика, в центре его стояла невысокая фигура.

Откуда? Вчера ее еще не было. Да и странность какая, будто не воин, не царь убиенный, статуи которых встречались на окраинах. Кто бы это мог быть? Я приблизилась и увидела скульптурную композицию: трое военных с тремя собаками. И все, словно неживые, застыли. А в центре – мужчина в странной какой-то

ушанке. И тоже неподвижен. Что ж, какой-то сюжет, скульптурная композиция?

– Вот он, – услышала я рядом. Ко мне подошел какой-то прохожий. – Узнали?

Я молчу.

– Патриарх, – объясняет он. И помолчав, рассказывает, что еще вчера не было здесь ни памятника, ни собак. Кто-то наспех поставил макет будущей скульптурной группы. Посреди нее стал человек небольшого роста. В какой-то странной шапке: ушанка – не ушанка. Треух какой-то...

– Патриархам такие памятники не ставят.

– Так ведь это зэк. Знаете, кто такие? Знаете, кого так называли?

– А то...

– Это патриарх Соловецкий Серафим. Мученик, но и поныне жив. Он с Соловков вернулся.

Я молчу со стыда, ведь я бывала с экскурсией на Соловках. В музее... В музее.

– ...Он спас многих, – тихо сказал мой собеседник. Видно, смирился с моим невежеством. И внезапно повысил голос: он нашу духовность спас... добровольно, можно сказать, пошел на муки. Серафим Соловецкий. Его сам патриарх Тихон позвал.

Дальше продолжать разговор я не хотела... начнет рассказывать небылицы.

Он словно бы услышал мои мысли.

*

Его так и называли ‘Патриарх’, толком не понимая, что значит это величественное имя, столь непохожее на саму стацию Соловецкого патриарха Серафима.

А когда я встречала в маленьком скверике детей, они просили меня рассказать о Патриархе, и всякий раз я так начинала свой короткий рассказ: ‘Это мой Патриарх. Мученик из мучеников. Мой герой. И мой Патриарх’.

Зоя Крахмальникова

КАК БЫЛО НА СОЛОВКАХ, ТАК БУДЕТ ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ

Время неумолимо. Близятся сроки завершения прежнего миропорядка. Все отчетливее и ярче переживаются вибрации фатального исхода отжившему, отправленному по чьему-то великому замыслу на свалку истории.

Кто еще не успел узнать?.. На Соловках, в сталинском Гулаге распахнулись некогда запечатанные гиперборейские врата. И вот, уже новая жизнь стучится, возвращается на землю, устрояемая по иным, чисто божественным законам. Без злобы и ненависти, без смерти и болезней, без войн и терактов, без насилия, похоти, мамоны, узурпации, всякого рода лжи и лицемерия. Ну, наконец-то!.. Божественное начало в человеке выстрадало свое право на жизнь.

И уже не нужен будет 'бог-пугало огородное' устрашающий за неповиновение ужасными наказаниями при жизни, адом после смерти и Страшным судом в вечности. В прошлом останутся религиозные химеры, тайно узаконивающие ложь и преступления.

Не коммунизм, не 'Град Божий' богослова инквизиторской метки Августина, а солнечная Гиперборея, новая Атлантида – Богоцивилизация третьего тысячелетия сходит на землю.

Но прежде, впереди, пробиваясь сквозь ледяные заторы уходящего миропорядка, неумоимо движется Соловецкий ковчег. Он словно могучий ледокол вспарывает ледяной покров, открывая народам нескончаемые источники божественной благодати.

Кто жаждет... и не только испить воды жизни, а войти в океан нескончаемых блаженств, смелее выходите навстречу брачной процессии. Соловецкая огненная свадьба продолжается.

ОБСЕ приравнила сталинизм к фашизму. Да, чего уж там... Обратили бы внимание на гитлерюгенда* папу Ратцингера, и хорошенько исследовали бы вопрос: 'Кто благословлял на войну Гитлера и Сталина?'

Однако, не Сталин с Гитлером уравнивали шансы на выживание – Соловецкая огненная свадьба, продолжающая свое победоносное шествие, Соловецкий Агнец, Христос солнечной Гипербореи, Жених ненаглядный... И не 'в белом венчике из роз', как у Александра Блока, а в сиянии солнечной Славы всех прежде живших, 200 миллионов помазанников, великих и малых христов, всего пантеона святых и обоженных: рыцарей светлых и жен мироносиц брачночертожных.

И не видно никого из прежних палачей. Все уже давно разбежались. А на обломках краснодраконовской империи паханы и крестные отцы заправляют, пируют во время чумы мафиози. Пьяный угар, дешевый смех, а кто-то чином постарше примеряет засаленные дырявые сталинские портки.

Но не пьяный разврат, а блаженства божественной любви Нашего добрейшего Отца и Нашей любимой Мамочки.

'Ну, кто тут на земле временные? Слазь! Кончилось ваше время!', – звучит от Соловецкого престола.

* Йозеф Ратцингер в детстве был членом нацистской организации 'Гитлерюгенд'.

Соловки – камень преткновения, разделяющий налево и направо. Как относимся к Соловкам, так определяется и удел. Как относимся к тому, что творилось в сталинском Гулаге, фашистских лагерях, так определяется и будущее наше.

И сегодня невозможно заглушить крики людей, вибрации страданий и переживаемого ужаса тех кровавых событий.

Не только судьба каждого из нас, но и народа, страны, нации может измениться от молчаливого согласия оправдывать и прославлять совершивших против человечности преступление, у которого нет срока давности.

И особый спрос с иерархов религиозных конфессий, мнящих себя законодателями морали и добропорядочности. Своим конформистским отношением к данному вопросу свидетельствуют, что они наследники тех, кто благословлял эти ужасные преступления.

Ещё и ещё раз будем говорить, – только бы не замолчать память о величайшем мученическом подвиге, оповестим близких, детей, внуков, всех: мы человечество от Второй Соловецкой Голгофы!

Мелхиседек Наумов

ГЛАВА 1

НОВЫЙ ПУТЬ И НОВОЕ СЛУЖЕНИЕ

После третьего допроса Серафима больше не отпускали на свободу. Посадили в карцер. Предстояло освоить новые пути для возрождения истинной веры: концлагерь, каторга, Гулаг. Ссылка на Соловки. ('Срок не определяйте. Для церкви времени не существует'). Отныне новый патриарх примет на себя тысячу, две, три, пять, десять тысяч смертельных ударов за церковь. На него обрушивается их град – как на Господа в земные дни. Его будут избивать сапогами, морить голодом, травить. Выбьют зубы. Зэки выщипают ему треть бороды. Будут рвать ему уши, бить наганом по черепу. Трижды оставят лежать в луже собственной крови. И ничего не смогут сделать с ним. Бог не попустил!

Мученик увенчивается, вера свидетельством прославляется. Когда непригодны другие пути для возрождения церкви, остается купель мученическая, омывающая кровью.

В первый срок – Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН) впоследствии переименованный в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН). После страшных лет заключения вышел преображенным – увенчанным победителем. Смерть ему была уже не страшна. Смерть видел воочию.

Кто из мертвых воскрес, и не раз, – смерть победил. Ангелы пели ему славу на небесах и приготавливали благодать брачного одра. И Господь ждал часа, когда сможет излить Свою любовь к Серафиму, которого любил, как Иоанна Богослова в земные дни.

На пути обожения не было до этого еще ступени самой главной, завершающей – ‘Соловки – вторая Голгофа’. На эту лестницу возводил Господь владыку Серафима.

На Соловках открылся крест и его безмолвие. За скобками осталась старая Россия, имперские церковные амбиции, богословские споры.

И вот уже ангелы увидели в захолустном Бузулуке величественную фигуру гонимого престарелого владыки, просящего милостыню у продмага. – Кто это? Тайный архиерей? Ссылный священник?.. Если б могли, услышали бы от ангелов: ‘Венценосный помазанник, исповедник второй Голгофы Соловецкой. Патриарх Гулага. Провозвестник Церкви третьего тысячелетия. Огненный крест, идущий через Белое море к Москве и Санкт-Петербургу. Побе-

дитель смерти и Гулага, зверя и дракона. Победив-
ший смерть, страх и искушения.

Слава и честь патриарху Гулага Серафиму Соло-
вецкому!

* * *

ГЛАВА 2

ОЛИВКОВАЯ СЕРАФИМОВА ВЕТВЬ

Патриарх Гулага Серафим Соловецкий и основатель РПЦ митрополит Сергей Страгородский – по разные стороны противоборных ратей. Но так рассудил Господь: кратковременный Сергей Страгородский, гастритно-язвенный, параноидальнозатравленный, умирает, не дожив и до 70 лет – лжепреемник, бериевский ставленник. Отцов же наших хранил Господь на Соловках. Ни одного из братьев Серафимовых не смогли злодейски убить. Велено было, чтобы умирали своей смертью. Запретил Сергей Страгородский отпевать их, чтобы умирали, как собаки, ‘сектанты’, ‘катакомбники’ – распорядилась Небесная Первосвященница, чтобы отпевали ангелы. Не дал спокойного одра и тихой кончины на

земле – ангелы вознесли на успенский одр и провели вратами вечной жизни. Бог так распорядился: ни один штык не тронул никого из наших отцов. И отец наш Серафим был свидетелем, как ангелы приходили на их успенский смертный одр. И как новопреставленные возвращались на литургии!..

Какой покой дивный водворялся на лицах усопших! Водворялись в пакибытии. И не единицы подвижников только, но церковь в целом побеждала смерть, церковь истинная – дева чистая сподоблялась успенского одра. Воистину, вслед за второй Голгофой Христа совершился и Успенский одр Церкви Его. Вслед за Христом на одр Успения, покрытая плащаницею, таинственно взошла Мать-церковь, святая мученица.

Над красной церковью большевики глумились, презирая соглашателей. А истинная – в катакомбах была хранима Богом. Красные ожидали: из лагерей Гулага никто живым не выйдет. Но Господь предписал – и ничего не смогли сделать. И дождался отец наш блаженный старец Серафим часа, когда в 93 года благословил Геннадия (Секача) быть преемником церкви Соловецкой.

Митрополит Геннадий единственный вышел из Кутаисской тюрьмы, где сгноили весь клир Грузинской Православной Церкви. Серафим единственный – из Соловецкой. Так распорядилась Премудрость Божия, чтобы хотя бы через одного или двух не прерывалась ветвь благословенная.

И предписано была свыше страдать тебе, отче Серафиме, до 93-х лет, чтобы передать преемство веч-

ное от церкви непятнаемой старцу нашему Геннадию. Против судебных 'красных троек' – святотроичные соборы серафимовой троицы. Трех схимитрополитов встретили мы в тайном катакомбном монастыре. Геннадий, Феодосий, Григорий. Затем исповедник веры митрополит Иоанн (Боднарчук)... Светлые пастыри, души свои положившие за овец Христовых, стоят у основания церкви нового тысячелетия.

Когда вопрос о нашем рукоположении в священники стал конкретно, митрополиту Геннадию в духе открылся Серафим и дал на это благословение.

Отец Серафим часто отвечал на вопросы загадочно. И Геннадия, когда призывал, ни о чем не спрашивал. Как патриарх Тихон благословением Божиим рукоположил Серафима в катакомбные святители, так и он Геннадия, за каких-то несколько часов. Так и митрополит Геннадий нас. В церкви истинной не заводят досье, не заполняют вопросников и не спрашивают об образовании. Соловецкая школа – созерцания Христа Второй Голгофы. Кто видит премирно Распятого, тот и рукополагается у подножия горы Его.

В 1935 г., после 10 лет заключения, во время горячки, в тюрьме Серафиму является ангел и открывает ему: 'Ты выйдешь на свободу и много сделаешь для церкви. Святые небожители избрали тебя для особой миссии. Через тебя церковь возродится, и пойдет новая ветвь для третьего тысячелетия'.

Серафим пережил несколько заключений, в общей сложности 39 лет лагерей и тюрем Гулага. Самым важным моментом таинственного служения

для патриарха Гулага было соловецкое заключение. Соловки с 1925 по 1939 гг. – переломный период не только для России, но и для всего человечества.

Там, на Соловках, разрушилась римо-византийская модель церкви. В тартарары полетели злодеи, инквизиторы. Облупились институциональные фрески. Заплыло око церковного суда. Канул цезарепапизм, посрамилась симфония, и старая карга обрядоверия исчезла прочь.

Ангелы посекали мечами эту высохшую смоковницу с ее репрессивно-авторитарным укладом и змеиным происхождением. Сколько горя пережили наши отцы – вышли победителями. Ни один не умер посрамленным. Вошли вратами вечности. Преобразились. Слава и честь отцам нашим на Соловках! Украсились венцами золотыми.

Ангелы Голгофы приходили к ним. Ангелы, сопровождавшие мученичества во все времена.

И видел Серафим превечную символику в руках архангелов, начертанную когда-то на древних мозаиках в храме киевской Софии. Рафаил с алавастровым сосудом и другой ангел с белой лилией в руках.

Литургии Соловецкие служились живые, чудотворные и пакибытийные. Чины бесплотные приходили к ним и раскрывали белые полотна, как воздуха над Святыми Дарами, уже не храмовыми, а вселенскими. Приходили и неведомые церкви лики ангельские.

Сколько ангелов приходило в Соловецкие сараи, где служили умирающие и воскресшие, победившие смерть! Но ни одного ангела не было с официальной сергианской кликой...

Три идола старой церкви были разрушены: фарисейство, рационализм и институционализм (церковь как государственное ведомство).

Там, в пространстве Гулага, открылся сказочный Китеж-град, столица второго Иерусалима. Осуществилась вековая мечта старцев и святых о совершенной церкви, о совершенном мире и о народе Божиим.

В Гулаге церковь очистилась от грехов иосифлянства и византизма, стала такой, какой ее Господь видел у Голгофы и завещал Иоанну Богослову.

Об отцах наших соловецких, старцах умиленных слез, сказано: агнцы апокалиптические, из числа 144 тысяч, девственники просиявшие, апостолы грядущие, те, что впервые сойдут на землю по Преображении. Печальники о земле российской.

Два пути: одни погрязли в сетях еретического красного хилиазма (тысячелетнее царство дракона обернулось 80-ю годами коммунистического ада), другие на подходе к грядущему тысячелетнему царству провожали прощальным взглядом Владычицу Небесную, сходящую с Соловков.

На Соловках ветвь церковная была обрезана, очищена и наречена Серафимовой, старческой. И потек из нее сок драгоценный. Дверь на небеса открылась, и никто ее не закрывает.

* * *

ГЛАВА 3

СЕРАФИМ СОЛОВЕЦКИЙ: СОЛОВЕЦКАЯ ГОЛГОФА

Первая Голгофа, Иерусалимская, открыла врата церкви Христовой. Вторая, Соловецкая, открывает двери третьего тысячелетия, возвещает эпоху Святого Духа, тысячелетнее Царство Христа.

Бараки и сараи в двадцатых годах вохровское начальство считало роскошью. Зэки жили в валунах... Над кем безмолвный становился ангел, тот выживал. Выжить могли только те, с кем Бог.

Били без причины. Никто не боялся побоев и даже не избегал.

Сколько безвестных полегло на болотах! Кругом непроходимые болота, ходят по настилу. Один с

опухшими ногами забудется, упадет, и несколько десятков увлечет за собой...

Считалось правилом: в чем приехал заключенный, в том пусть и ходит. А чтобы давали на смену одежду – едва ли доживет. Умрет – снимут с него родную рубаху и нагого бросят в ров. Одежду конфискуют, и на склад.

Уже на второй год без помощи свыше нельзя было шагу ступить. Атеисты вымирали как мухи. Не выдерживали ни скорбей, ни условий жизни. Не хватало им и терпения. Христиане, выжив, превращались в смиренных агнцев и достигали высших ступеней безмолвия среди страданий, адских побоев и уничтожений.

Чем занимались? Валили лес. Пускали плоты по Белому морю. Стоял на них народ сутками. Умерших не считали. Многие умирали от укусов комаров, гнусов. И горячка, недоедание...

‘Зэк хуже скота, а охранник хуже зверя’ (правило). Если вохровец выпьет, будет бить всех подряд. Господи, помилуй! Владыка, не приведи...

Общения никакого не допускалось. Процветало доносительство и подстрекательство. Пообещает начальник, как собаке, кусок хлеба – и заложит. Выведут на разговор, кто-то поделится болью... Наутро его уже нет.

Отдельного места для расстрела не было. Секирная гора, откуда спускали связанных по ста деревянным ступенькам, – уже поздняя выдумка изощренных садистов. Расстреливали где угодно, на месте. Никто не считал ни живых, ни умерших.

Болели, умирали. Никаких лекарств: надежда на Господа. Дрожь по телу пробежала и от дома пыток в три этажа. Называли его между собой 'гастроном'. Кого в 'гастроном' уводили, тот не возвращался. Зловещий 'гастроном'... От доносившихся криков под пытками тряслись руки. Но уже и к крикам привыкали, как к какой-то иной речи. И люди превращались в полутеней-полуангелов.

Господь открывает, какие жуткие пытки были в 'гастрономе'. Буквально вытряхивали душу и заставляли лишиться разума. Стремилась превратить ее в тупой, послушный, затравленный страхом скот, после чего беспощадно добивали. Наносили удар, потом окатывали водой и смотрели в глаза. Если видели какой-то признак сознания, чего-то человеческого или усвоения, избивали до потери памяти. Особенно безжалостно били тех, в ком говорила совесть Божия, кто не сдавался до последнего. Такие сподоблялись нетленных останков.

И кругом болота, болота... Гасят звук, гасят стон. И создают сферу молчания особого. Заговорит оно однажды.

Во время отлива в Вегеракше открывались огромные морские ворота. До середины моря можно было пройти пешком. Тысячи шли за рыбой, с голыми руками и сеткой. Большинство не успевало вернуться. Вода прибывала буквально за секунды, и тысячами уносило в море.

Вся земля и вода в трупах умерших. Сколько погасло светлых умов! Что пережили тогда гении, профессора, поэты, инженеры...

Кто-то охранял? Ангелы. Без них было не выжить. Кто попадал в сферу Соловецкого безмолвия, оставался в живых. Кого небесные охранники берегли, вохровцы не трогали.

Конвой был приучен к жестокости днем и ночью. Вся земля усеяна костями... На работы выводили, как скот: конвоиры справа и слева. Чуть что – били по затылку прикладами. Если падали, могли добить одним ударом.

Как и на 'большой земле' во времена сталинщины, жили по строгому расписанию, по часам. Подъем секунда в секунду. Баланда – и гонят на трудовые работы. По сколько работали? По усмотрению охранника: никаких правил. Как Господь определит. Приучались видеть волю Божию во всем. Вохровцы менялись, а работать могли заставить и круглосуточно.

Упал – отнесут и забудут. Уже и кричать сил не было. Зловещее блаженное молчание водворялось – литургия Соловков.

Столовая была длиной чуть ли не в полверсты. По команде садились. Металлические миски с ложками. Охранники прохаживаются между рядами, смотрят, чтобы не разговаривали друг с другом.

Кто приезжал и кого земля принимала и благословляли воздуха соловецкие, выживал и в этих условиях. И получал то, чего в миру за десятилетия не обрел бы. Чаша облегчалась терпением и скорбями. И лик просветлялся час от часу.

Расстрел – что! Избивали до смерти и оставляли лежать, не давая пить.

Если заключенные распознавали у себя стукача, убивали его.

Знали ли в Москве о Соловках? Знали. Но тяжелый страх сковал тогда миллионы.

Круглосуточно крики, пытки... К воплям привыкали и слушали их отупело, как музыку по радио.

По части пыток Соловки держали первенство в мире. И опытные красные вохровцы позднее наставляли мастеров гестапо и Освенцима.

В скале заключенные выбивали камеру. Наказание называлось 'холодная'. Прямоугольная комната в полметра шириной, чтобы едва протиснуться, сесть на стуле. За жертвой закрывалась тяжелая металлическая дверь. Вохровец запирал ее на ключ и уходил. Часто забывал. Двинуться ни направо, ни налево было некуда. Сырость, вода, мыши, крысы, птицы... Не давали пить. Адская камера. Часто охранник, сменившись, забывал сказать о заключенном. Крики постепенно стихали... А следующий вохровец, пьяный, забывал открыть дверь.

Удалось ли передать атмосферу тихого смиренного безмолвия? С нею ложились спать... Выжившие достигали старческого мира. Мир нестяжательный достигался не иосифлянкой молитвой и не псалтырным дудением, а вохровской дубиной и посвящением в тайну Церкви истинной.

Лучше было не засвечиваться. Монахов (во искупление греховной чаши) посылали на самые тяжелые работы. Осушать болота. Тесать камни в скалах. Озверевший от пьянки конвоир злым духом чуял монаха и первым его избирал в жертву. Здесь же и расправлялись. Останавливали работы. Выстраивали в ряд десятерых и заставляли избивать. Кто бил слабо, того самого делали жертвой.

Тяжело ходить по земле соловецкой. Верующим выдавали деревянные колодки с сыровиной (род брезента). Каждый шаг гулко отдавался в спинном мозгу, а при опухших от гнусов ногах давался с трудом. Ноги еле передвигали.

Тысячами умирали, тысячами приезжали. Так работала Соловецкая адская машина, а над нею – ангельская богадельня. Сколько мучеников приходило на Соловки, сколько юродивых посещали своих соловецких братьев!

Были случаи, воскресали из мертвых, вставали из братских могил, возвращались на нары и (как бы) спокойно отдыхали, пока конвоир не разбудит ударом приклада по голове.

Могли и мертвых воскрешать, когда с кистями и коробами с маслами в руках по воздуху ходили мы, отпевая небесным чином умерших. Но им было бы непосильно. Никто из них не хотел бы воскреснуть для продолжения медленной казни соловецкой.

Относились мы духом не только в болота, ущелья и могилы соловецкие, но и в моря, и в материки. Ступали на землю, исцеляли болящих, укрепляли в вере.

* * *

ГЛАВА 4

СЕРАФИМ СОЛОВЕЦКИЙ: НЕБЕСНЫЙ ИЕРУСАЛИМ НАД СОЛОВКАМИ

Не состоялся III Рим. Пала имперская держава. Отверг дух отцов наших Византию. Зато объявлена Святая Русь вторым Иерусалимом и второй Голгофой! Сам Господь приходил в мистическом теле к мученице-церкви, страдал в отцах наших, умер и воскрес, и живет ныне в сыновьях.

Урки, сокамерники, Божьи души, говорили как евангельский разбойник: ‘Мы, понятно, страдаем за грехи. А ты за что попал на Соловки?’ Ничем не покоришь их, кроме слез, – ни Евангелием, ни молитвою, ни проповедью. Отвечают: ‘Слышали мы

такое'. И еще больше ожесточаются. А против слез устоять не могут. Внутренности их как ножом вспарываются. И сами рыдать начинают. А когда зэки плачут, устоять невозможно.

Среди уголовных были призванные души. Любовь принимали и обращались. Трудно было вызвать их на искренность. Но если начинали каяться, рыдали, как старцы великие.

Слепли тысячи... Вываливались внутренности, вытекали глаза... Ходили как привидения. Не узнавали друг друга, не разбирали, кто перед ними. Уже и по имени не называли, номера даже разобрать не могли. Кто на номер не откликнулся, добивали... Были такие, с отмороженными руками и ногами, что с отчаяния ложились под тачки. А по ночам я слышал глухие стоны утонувших в болоте и отвратительные голоса хохочущих кикимор, бесов.

Со дна Белого моря подняли мы (в духе) несколько тысяч несчастных жертв, захлебнувшихся водой при быстром приливе. Омыли их, облекли, отпели и похоронили.

Была трава дурная, на вкус горькая и притягательная для смертельно голодных. Наедались ее, сходили с ума – и пристреливали их, как бешеных собак.

И гул над Соловками стоял такой: 'Ммм-м-м!.. О-о-о!.. Ммм-м-м!..' Круглосуточный гул! Звенело в ушах. Оглохшим было легче, чем слышащим.

На третий год уже и избиений не боялись. Страх пропадал, ничего не боялись вообще. Смотрели в глаза смерти бесстрашно и открыто. И на вес золота было слово Божие, если кто мог учить о Царстве Божием, ожидающем за гробом.

Однажды, в бреду лихорадочном, слышал я, как по всем радиостанциям Советского Союза вещают: 'Говорит Москва. А-а-а-а!...' Диктор Левитан – и крики эков. Кто слышит голос Левитана, кто 'а-а-а!'. А потом марш какой-то, и сознание погасло.

Сколько талантов гибло под цементным спудом! Сколько душ Божиих, не успев раскрыться, ушло бесследно! Сколько писем, кровью и слезами написанных, не пошло дальше энкаведистских урн!.. Вся земля соловецкая мирром пропитана, как огромная чаша елея. Хватило бы испить для Франции с Италией.

Заключенные часами заслушивались ангельским пением. Были случаи, когда Соловецкий лагерь замирал на несколько часов. Останавливалось движение и труд, даже собаки засыпали.

Явлений было много. Больше после 30-го года.

Никто на земле не знает радости подобной! Жить, как в вечности – в соловецкой тьме, ослепшие, полумертвые.

Читали по книге небесной. Богородица жаловала к нам со святыми девами и другими из Своего окружения.

Увидел я 1500 незнакомых образов и имен Владычицы Небесной. И объяснил мне ангел-хранитель этого иконостаса: 'Такова слава имен Пресвятой Девы, почитаемой на небесах и в иных мирах'.

Никогда не предполагал я, что может быть столько оттенков, ликов Владычицы Небесной, что Царь и Господь наш Иисус Христос изберет Деву сладчайшую Себе в Невесты...

В 1931 году, в дни особых скорбей, когда уже надежды никакой не было, и Бог, казалось, оставлял

нас, приходили братья усопшие. И над ними долго стоял храм дивной красоты. Усыпальница, брачные чертоги, трапезы, блаженства, молитвы, благовонные масла... Лики братьев наших просветлели, так что едва узнавали мы их, и светились небесной добротой. Видя их, мы думали: 'Господи, как счастлив тот, чей удел – Бог и вечная жизнь!'

* * *